

Ноам Хомский

Государство будущего

Москва
2012

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 321.01
ББК 66.033.1
X 76

Переводчик Алекс Керви
Редактор Роза Пискотина

Хомский Н.

X 76 Государство будущего / Ноам Хомский. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 104 с.

ISBN 978-5-91671-163-9

Американский лингвист, публицист, философ Ноам Хомский считается одним из наиболее влиятельных из ныне живущих интеллектуалов. Яркий и последовательный критик политической тирании, анархист Хомский анализирует роль государства от его истоков до современности и обозначает векторы его будущего развития. Он считает одинаково регрессивными идеологии государственного социализма и государственного капитализма, а государство будущего связывает с развитием либертарианства как логического продолжения идей классического либерализма.

УДК 321.01
ББК 66.033.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Noam Chomsky, 1970, 2005
Originally published by Seven
Stories Press, New York,
U.S.A.

© Издание на русском языке,
перевод, оформление. ООО
«Альпина нон-фикшн»,
2012

ISBN 978-5-91671-163-9 (рус.)
ISBN 987-1-58322-685-8 (англ.)

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Какова роль государства в развитом индустриальном обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала, я думаю, следует обозначить в качестве рамок обсуждения четыре теоретические позиции. Назовем эти позиции: первая — *классический либерализм*, вторая — *либертарианский социализм*, третья — *государственный социализм*, четвертая — *государственный капитализм*. Рассмотрим каждую по очереди. Но сначала я хочу прояснить мою собственную точку зрения, чтобы вам было проще судить о том, что я говорю. Я полагаю, что концепции либертарианского социа-

лизма (а под этим термином я понимаю самый широкий спектр воззрений: от левого крыла марксизма до анархизма) в целом корректны и являются правильным и естественным продолжением классического либерализма в современную эпоху развитого индустриального общества.

И напротив, я считаю, что идеология государственного социализма, пришедшая из большевизма, и государственный капитализм — современное государство всеобщего благоденствия — воплощают регрессивные и совершенно неадекватные социальные теории. И немалое количество наших действительно фундаментальных проблем возникает из-за того, что эти доминирующие социальные формы не удовлетворяют требованиям современного индустриального общества и несовместимы с ним.

Ну вот, а теперь рассмотрим эти четыре позиции более подробно, и начнем мы с точки зрения классического либерализма.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Содержание

Классический либерализм.....	11
Либертарианский социализм.....	31
Контраргументы.....	49
Государственный социализм и государственный капитализм.....	61
Примечания	91

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Основная идея классического либерализма заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных. Этот тезис достаточно хорошо нам знаком. Тем не менее аргументация, приводящая к этому заключению, известна не столь широко, а я считаю, что в данном случае ход рассуждений гораздо важнее вывода.

Одно из самых ранних и наиболее блистательных толкований этой позиции содержится в книге Вильгельма фон Гумбольдта* «Идеи к опыту определения границ деятельности государства», написанной в 1792 г., но опубликованной лишь шестьдесят лет спустя. С точки зрения Гумбольдта, государство стремится «превратить человека в инструмент обслуживания собственных, произвольно выбранных целей, никак не учитывающих его собственные намерения»¹, а поскольку

*Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, основал в 1809 г. Берлинский университет. Один из виднейших представителей немецкого классического гуманизма; друг И. В. Гёте и Ф. Шиллера. Видел в универсальном развитии индивидуальности высшую цель, определяющую и границы деятельности государства. Развил учение о языке как о непрерывном творческом процессе, «формирующем органе мысли» и о «внутренней форме» языка как выражении индивидуального мирозерцания народа. — *Здесь и далее прим. пер.*

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

люди по своей сути — свободные, ищущие, самосовершенствующиеся существа, следовательно, государство — глубоко антигуманный институт. А это значит, что деятельность и само существование государства в конечном итоге противоречат полноценному гармоничному развитию человеческого потенциала в его богатейшем многообразии и поэтому несовместимы с тем, что Гумбольдт и, уже в следующем веке Маркс, Бакунин, Милль* и многие другие рассматривали как истинную цель человека. (И скажу для протокола: лично я убежден, что это очень точное описание.)

В этом смысле современный консерватор тяготеет к тому, чтобы рассма-

*Джон Стюарт Милль (1806–1873) — английский философ, экономист и общественный деятель. Основатель английского позитивизма, последователь О. Конта. В «Системе логики» (т. 1–2, 1843) разработал индуктивную логику, которую трактовал как общую методологию наук. В этике соединял принцип эгоизма (утилитаризма) с альтруизмом.

тривать себя как прямого потомка классического либерала. Однако я полагаю, что такую позицию можно поддерживать, исходя только из крайне поверхностной и не-серьезной точки зрения, что хорошо видно, если более внимательно изучить основные идеи классической либертарианской мысли, выраженные Гумбольдтом в их наиболее основательной форме.

Я считаю, что эти вопросы имеют существенное значение для нашего времени, и, если вы не возражаете, я бы хотел остановиться на них подробнее, сделать, так сказать, небольшой экскурс в прошлое.

Для Гумбольдта, как и для Руссо, а до него — для картезианцев*, главное

* Картезианство — направление в философии и естествознании XVII–XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Рене Декарта (латинизированное имя Cartesius — Картезий, отсюда название). Основа картезианства — последовательный дуализм, т.е. разделение мира на две

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

достояние человека — это его свобода.

Познание и созидание — вот те центры, вокруг которых так или иначе сосредоточены все человеческие поиски².

Но далее Гумбольдт пишет:

Вся нравственная культура возникает единственно из внутренней жизни души... и никогда не может быть создана с помощью внешних и искусственных приспособлений... Развитие и совершенствование понимания, как и любые другие способности человека, в общем и целом достигаются благодаря его собственной деятельности, его собственной находчивости и смелке, его собственным методам использования открытий других людей³.

самостоятельные и независимые субстанции — протяженную и мыслящую; исходные принципы картезианской гносеологии — самодостоверность сознания (декартовское «мыслю, следовательно, существую») и теория врожденных идей.

Из этих утверждений Гумбольдт развивает свою образовательную теорию, но сейчас мы не будем ее обсуждать. Сейчас нам важно, что Гумбольдт дошел до основ теории эксплуатации и отчужденного труда и таким образом стал предшественником раннего Маркса. Гумбольдт продолжает ту мысль, что я цитировал выше, — о развитии навыков понимания посредством спонтанного действия — и делает это следующим образом. Он говорит: «Из того, чем человек располагает, больше всего он считает своей собственностью то, что делает сам; скорее простой садовник истинный хозяин сада, чем праздный бездельник, который наслаждается его плодами»⁴. А поскольку истинно человеческие действия исходят от внутреннего импульса, то:

похоже, что всех крестьян и ремесленников можно было бы возвести в ранг

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

художников; а это значит, что люди, которые любят труд ради него самого, совершенствуют его, благодаря дару воображения и изобретательности, и таким образом развивают свой интеллект, облагораживают свой характер и достигают более утонченных и возвышенных удовольствий. Получается, что человека могут облагородить и возвеличить именно те вещи, которые сейчас, хоть они прекрасны сами по себе, так часто служат инструментом его унижения... Бесспорно, свобода есть обязательное условие, без которого даже самые естественные для человека устремления могут не привести к таким благотворным влияниям. Все, что идет не от свободного выбора человека, а делается в результате руководящих указаний, не становится частью его существа, а остается чуждым его природе; он исполняет все это не с истинной человеческой энергией, а лишь с механической точностью⁵.

Если же человек действует механически, реагируя на исходящие извне требования или указания, вместо того чтобы руководствоваться собственными интересами, энергией и силой, «мы можем восхищаться тем, что он делает, но мы презираем его самого»⁶.

Таким образом, Гумбольдт утверждает, что человек рожден для того, чтобы познавать и творить, и когда взрослый или ребенок познает и творит, исходя из собственного свободного выбора, тогда, по его собственным представлениям, он становится художником, а не орудием производства или хорошо обученным попугаем. В этом и заключается сущность гумбольдтовской концепции человеческой природы. Мне кажется, это весьма поучительно и интересно в сравнении с Марксом, с его ранними текстами, особенно с рассуждениями об «отчуждении труда, когда труд навязан

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

работнику извне... а не является частью его природы, так что он не реализует себя... и чувствует себя несчастным, физически истощенным и морально униженным...» именно отчужденный труд «отбрасывает одних рабочих к варварским видам работы, а других превращает в машины», лишая человека его «родового характера», его «свободной сознательной деятельности» и «продуктивной, плодотворной жизни»⁷.

Вспомним также известную и часто цитируемую отсылку Маркса к более высокоорганизованной форме общественного устройства, при которой «труд станет не только средством для жизни, но и первой жизненной потребностью»⁸. Вспомним также его постоянную критику специализированных процессов труда, при которых «все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они

уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила»⁹.

Роберт Такер, со своей стороны, очень верно заметил, что Маркс рассматривал революционера скорее как разочарованного производителя, нежели как неудовлетворенного потребителя. И вся его намного более радикальная критика капиталистических производственных отношений вытекала непосредственно (и часто облекалась в те же самые слова и фразы) из либертарианской мысли эпохи Просвещения. По этой причине, я думаю, можно сказать, что классические либеральные идеи по своей сути — хотя и не в том виде, который они обрели сейчас, — являются

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

крайне антикапиталистическими. Для того чтобы эти идеи могли служить идеологией современного промышленного капитализма, должна быть подорвана сама их суть.

Когда Гумбольдт писал свои книги в 1780-е и ранние 1790-е, у него не было никаких представлений о формах, которые примет промышленный капитализм. Следовательно, в этой классике классического либерализма он акцентирует внимание на ограничении *государственной* власти и не слишком тревожится об опасностях власти *частной*. Довод, в который он верил и о котором говорил, заключался в непременном и обязательном равенстве условий для всех частных граждан. И разумеется, в 1790 г. он не имел представления о том, каким образом будет переосмыслено понятие частного лица в эру корпоративного капитализма. Гумбольдт не предвидел —

сейчас я процитирую историка-анархиста Рудольфа Рокера, — что «и демократия с ее лозунгом равенства всех граждан перед законом», и либерализм с его «правом человека на собственную личность», разобьются о реалии капиталистической экономической формы»¹⁰. Гумбольдт не предвидел, что в условиях хищнической капиталистической экономики государственное вмешательство станет абсолютной необходимостью, чтобы поддерживать человеческое существование и предотвращать разрушение окружающей среды. Я говорю это как оптимист, разумеется. Как писал Карл Полањи, саморегулирующийся рынок «не может существовать, не подрывая человеческие и природные основы общества; он уничтожил бы человека физически и превратил бы его окружение в пустыню»¹¹. Я с этим согласен. Гумбольдт также не предвидел последствий труда как

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

товара, доктрины, которая заключается в том (вновь процитирую Поланьи), что «не товару решать, где он должен быть предложен для продажи, для какой цели его будут использовать, по какой цене его продадут и каким способом его потребуют или уничтожат»¹². Но в данном случае товар — это, конечно же, человеческая жизнь, и вследствие этого социальная защита стала абсолютной необходимостью, призванной сдерживать иррациональное и деструктивное функционирование классического свободного рынка. В 1790 г. Гумбольдт не понимал и того, что капиталистические экономические отношения будут увековечены в форме зависимости, кабалы, о которой еще в 1767 г. Симон Лингет сказал, что она даже хуже, чем рабство.

Именно невозможность жить как-то иначе вынуждает наших крестьян воз-

делывать почву, чьи плоды они не будут вкушать, и наших каменщиков возводить здания, в которых они не будут жить. Именно нужда гонит их на те рынки, где они ждут хозяев, которые сделают им одолжение и купят их. *Именно нужда заставляет их встать на колени перед богачем, чтобы тот милостиво разрешил им себя обогатить...* Вот что им принесло запрещение рабства. Я говорю с искренним сожалением: все, что они получили, — это «право» ежесекундно страдать, страшась смерти от голода, бедствия, которое по крайней мере никогда не грозило их предшественникам на этом низшем уровне человеческого развития <...> «Он свободен, вы говорите. Ах! Но это уже его трудности...» У этих людей, как утверждают, нет никакого хозяина... но у них есть один, самый ужасный, самый деспотичный из всех хозяев, т. е. нужда. И это именно то, что принижает их и приводит к наиболее жестокой зависимости¹³.

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

И если в идее подчинения действительно есть что-то крайне унижительное для человеческой природы, на чем настаивал каждый оратор эпохи Просвещения, то из нее следует неизбежное ожидание нового освобождения, того, что Фурье называл «третьей и последней исторической фазой освобождения». Первая сделала из рабов крепостных, вторая — превратила крепостных в работников, получающих плату за труд, а третья освободила пролетариат, устранив характер труда как товара и наемное рабство и подчинив коммерческие, производственные и финансовые институты демократическому контролю¹⁴.

Всего этого Гумбольдт в своей классической либеральной доктрине не формулировал и не видел, но я полагаю, что он согласился бы с этими выводами. Например, он был согласен с тем, что государственное вмешательство в общественную жизнь

правомочно, «если свобода может уничтожить те самые условия, без которых не только свобода, но даже само существование немислимо», а это именно те обстоятельства, которые возникают в неограниченной капиталистической экономике¹⁵. И он, как это явствует из тех отрывков, которые я процитировал, решительно осуждал отчуждение труда.

В любом случае гумбольдтовская критика бюрократии и автократического государства выступает как весьма красноречивое предостережение об опасностях, таящихся в наиболее безрадостных аспектах современной истории. И здесь важно, что в своей основе его критика применима и для более широкого ряда институтов принуждения, и особенно — для институтов власти промышленного капитализма.

Хотя Гумбольдт выражал классическую либеральную точку зрения, он

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

не был примитивным индивидуалистом, таким, как, к примеру, Руссо. Последний превозносит дикаря, который «живет в нем самом»¹⁶, но воззрения Гумбольдта совершенно иные. Он подводит итог своим наблюдениям, говоря, что:

все идеи и доводы, изложенные в этом труде, можно выразить одной фразой: пока люди будут ломать все общественные оковы, они будут пытаться установить как можно больше новых социальных связей. Изолированный человек способен к развитию не более, чем человек, обремененный связями¹⁷.

И Гумбольдт на самом деле смотрел далеко вперед и предвосхищал общество свободного взаимодействия, без карательного государства или любого другого авторитарного института власти — общества, в котором свободные люди могут творить,

познавать и достигать наивысшего развития своих способностей. Значительно опередив свое время, Гумбольдт представляет анархическое видение, которое, наверное, соответствует следующей стадии развития индустриального общества. Быть может, когда-то наступит день, когда все эти направления соединятся в основе либертарианского социализма. Такой социальной формы сегодня практически не существует, однако ее элементы проглядывают, например, в гарантии индивидуальных прав человека, которая на сегодняшний день обрела свою наивысшую реализацию — хотя и не без трагических изъянов — в странах западной демократии; в израильском киббуцизме; в экспериментах с рабочими советами в Югославии; в попытках пробудить народное самосознание и создать новую вовлеченность в социальный процесс. И это основополагающий элемент ре-

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

волюций третьего мира, который с трудом уживается с неоправданно авторитарными системами.

Подведем итог вышесказанному: первая концепция государства, которую я хочу взять за отправную точку, — классический либерализм. Его доктрина заключается в том, что функции государства должны быть решительно ограничены. Но эта привычная и хорошо всем знакомая характеристика на самом деле очень поверхностна. Если заглянуть глубже, мировоззрение классического либерала развивается из определенной концепции человеческой природы — именно той, что подчеркивает важность многообразия и свободного созидания, — и таким образом это мировоззрение по существу противостоит промышленному капитализму с его рабством заработной платы, его отчужденным трудом, его иерархи-

ческими, авторитарными принципами социальной и экономической организации. По крайней мере в своей идеальной форме классическая либеральная мысль противостоит концепциям собственнического индивидуализма, неотъемлемым от капиталистической идеологии. По этой причине классическая либеральная мысль ищет избавления от социальных оков, чтобы заменить их социальными обязательствами, обусловленными не состязательной алчностью хищнического индивидуализма и, разумеется, не корпоративными империями — государственными или частными. Вследствие этого классическая либертарианская мысль, как мне кажется, ведет прямо к либертарианскому социализму — или анархизму, если вам так больше нравится, — если объединить ее с пониманием индустриального капитализма.